

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/blqzkn>

Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г.

Аблажей Наталья Николаевна

Институт истории СО РАН, Россия, Новосибирск

Новосибирский государственный университет, Россия, Новосибирск

eLibrary Author SPIN: 9047-1786

<https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Scopus Author ID: 57207309210

ablazhey@academ.org

Аннотация: Кузбасс в 1933 г. был включен в национальный проект паспортизации и оказался по ее темпам в числе регионов-лидеров в Западной Сибири. Выбор Кузбасса в качестве объекта исследования обусловлен тем, что здесь модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный характер. Цель – выявить основные этапы и итоги паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г. Подобный статус получили Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск как города-новостройки и индустриальные центры союзного значения. Комплексная задача состоит в изучении паспортизации, с одной стороны, как национально-государственного проекта, а с другой – как мобилизационной и репрессивной кампании. Для ее достижения необходимо было реализовать ряд конкретных задач: 1) выявить особенности общегосударственной политики в области учета, прописки и паспортизации населения; 2) охарактеризовать динамику паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г.; 3) определить сущность паспортного режима и его структурных элементов, в том числе паспортных ограничений, через соотнесение статусов паспортизованных и непаспортизованных территорий и групп населения. Новизна исследования состоит в том, что анализ региональных аспектов политики паспортизации на материалах Кузбасса позволил показать механизм введения общегосударственной системы административного учета населения в регионе с высокими темпами миграции и урбанизации, бюрократические и репрессивные практики. В научный оборот вводится комплекс архивных материалов, отражающих деятельность органов милиции, что позволило описать цели и механизм паспортизации, выявить ее региональную специфику, оценить количественные параметры кампании и реакцию населения на ее проведение. Материалы отложились в коллекции Государственного архива Новосибирской области в фонде Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В ходе исследования установлено, что в 1933 г. количество паспортизованных составило 214 тыс. человек. Выехало из городов более 27 тыс. человек, еще 4189 человек были высланы.

Ключевые слова: паспортизация населения, милиция, режимный город, Кузбасс, Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженск

Цитирование: Аблажей Н. Н. Паспортизация населения режимных городов Кузбасса в 1933 г. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 6. С. 990–1001. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>

Поступила в редакцию 19.09.2024. Принята после рецензирования 25.11.2024. Принята в печать 25.11.2024.

full article

Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933

Natalia N. Ablazhey

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Novosibirsk

Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk

Library Author SPIN: 9047-1786

<https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

Scopus Author ID: 57207309210

ablazhey@academ.org

Abstract: In 1933, Kuzbass entered the national passport system project to become one of its leaders in Western Siberia. Modernization proceeded here at an accelerated rate and had a pronounced industrial character. The article describes the passport system campaign in the so-called closed cities of Kuzbass in 1933. The list included young industrial centres of all-union significance, e.g., Stalinsk, Prokopievsk, Leninsk-Kuznetsk, and Anzhero-Sudzhensk. On the one hand, the passport system was a national project; on the other hand, it was a mobilization and repressive campaign. The author identified the features of the nationwide policy in the field of registration and passportization and characterized its dynamics in Siberia in 1932–1940. The essence of the passport regime and its structural elements, including passport restrictions, was defined by correlating the statuses of passported and non-passported communities. The analysis of the regional passport system policy revealed the mechanism of introducing a nationwide system of administrative registration, bureaucracy practices, and repressive measures in a region with a rapid migration and urbanization. A set of archival materials on militia activities made it possible to describe the goals and mechanisms of introducing of the passport system, as well as to identify its regional specifics, quantitative parameters, and public response. The documents were obtained from the State Archive of the Novosibirsk Region, collection of the West Siberian Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). In 1933, the passported population was 214,000 people; more than 27,000 people left the cities; 4,189 people were deported.

Keywords: passport system campaign, militia, closed city, Kuzbass, Stalinsk, Prokopievsk, Leninsk-Kuznetsk, Anzhero-Sudzhensk

Citation: Ablazhey N. N. Passport System Campaign in the Closed Cities of Kuzbass in 1933. *SibScript*, 2024, 26(6): 990–1001. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-6-990-1001>

Received 19 Sep 2024. Accepted after peer review 25 Nov 2024. Accepted for publication 25 Nov 2024.

Введение

На заре своей истории советская власть ликвидировала паспортную систему, но в 1932 г. ее возродила. Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства. В 1933–1934 гг. 56 млн человек¹ получили внутренние паспорта.

Тематика паспортизации населения СССР, растянувшейся на пятидесятилетний период, вызывает повышенный интерес в плане изучения национальной системы учета и контроля населения и оценки ее эффективности. В рамках советской историографии советская паспортная система анализировалось исключительно в контексте советизации общества,

становления советского человека и деятельности правоохранительных органов. Большинство работ носило исключительно прикладной и ведомственный характер и сводилось к комментированию паспортного законодательства, более того, у части исследований был ограниченный доступ для использования. Именно поэтому даже в работах специалистов, активно изучавших проблемы паспортной системы и паспортного режима в СССР, история паспортизации была представлена исключительно в коротких исторических экскурсах.

«Архивная революция» 1990-х – начала 2000-х гг. позволила начать изучение паспортной системы в СССР с использованием ранее засекреченных решений

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 1. Д. 4155. Л. 199–201.

власти и ОГПУ – НКВД. Акцент на ограничительных функциях паспортной системы в СССР, в том числе ее роли в контроле над миграцией населения, особенно сельского, дал основания охарактеризовать советскую паспортную систему в качестве аналога «крепостничества» и зафиксировать наличие в стране ограничений и репрессий по паспортным основаниям [Попов 1995; 1996]. Тема репрессивных функций советской паспортной системы, ее роли в контроле над передвижениями населения внутри страны стала общей темой исследований как российских, так и западных специалистов. Ряд исследователей отметили сходство имперской и советской паспортных систем в плане ограничений, наложенных на сельское население страны [Байбурин 2009; Попов 1995; Kessler 2001]. Оценка паспортизации как «нового крепостничества» для крестьян наиболее емко присутствует в работах Ш. Фицпатрик и Х. Кесслера [Фицпатрик 2001; Kessler 2001], а для рабочих – в работе В. Голдмана [Голдман 2005].

Ведущие западные специалисты в своих исследованиях сделали акцент на анализе положения категоризированных паспортными ограничениями социальных групп, актуализируя проблему стигматизации и даже «клеймения» [Муан 2009; Фицпатрик 2001; Ширер 2014; Shearer 2004]. В продолжение этой линии развитие получили сюжеты об ограничениях в отношении лишенных избирательных прав, спецпереселенцев, уголовного и деклассированного элемента, представителей диаспор.

Отдельный интерес у специалистов вызвали аспекты, связанные с институтом прописки, который фактически сформировался за десятилетие до начала паспортизации, но стал обязательным с ее введением [Голдман 2005; Меерович 2008].

Часть исследователей оспорила интерпретацию паспортизации исключительно как рычага давления власти и принуждения общества. В этой связи необходимо отметить работу А. Ю. Тарасова [Тарасов 2010] по истории паспортизации в СССР в плане вывода о переходе от легитимационной политики к плановой и единой паспортной системе. Безусловной заслугой А. Ю. Тарасова является существенное расширение источниковой базы по тематике паспортизации за счет введения в научный оборот делопроизводственных материалов милиции и органов безопасности.

В связи с проблематикой паспортизации интерес вызывают аспекты социальной, национальной (в плане закрепления национальности) и советской общегражданской идентичности. Проблема становления

идентичности в СССР на основе паспортной системы исследуется Д. Ширером [Ширер 2014]. А. К. Байбурин предложил рассматривать функционирование советской паспортной системы не только в плане тоталитарного принуждения, а в многоаспектном измерении, с одной стороны, рассматривая паспорт как бюрократический конструкт, а с другой – как элемент формирования гражданской идентичности и поведенческих практик [Байбурин 2017; Baiburin 2021]. Автор рассматривает паспорт и сопровождавший его «паспортный миф» как эффективные средства формирования советского общества и гражданина. Эта работы вызвала и продолжает вызывать повышенный интерес среди специалистов [Фетисов 2019; Kuzemska 2023].

Традиционно наибольший интерес у специалистов вызывает паспортизация городского населения в 1930-е гг., в то время как паспортизация приграничья, промышленных районов, военизированных территорий, зон транспортных артерий и некоторых аграрных территорий остается на периферии интересов историков. В рамках изучения начального периода паспортизации 1932–1940 гг. получили развитие и сюжеты, связанные с региональными аспектами паспортизации. Основное внимание привлекла паспортизация Москвы и Ленинграда 1932–1933 гг. Имеются единичные исследования о ходе паспортизации на Урале [Потемкина, Кузнецова 2014] и Дальнем Востоке [Чернолуцкая 1999; 2013]. На данный момент именно ход паспортизации территорий Дальнего Востока представлен наиболее полно, в частности, дана оценка паспортизации как мобилизационной кампании, приведены данные по численности паспортизированного населения и так называемым отказникам, показана территориальная специфика и дана оценка миграционных последствий паспортизации для региона. Аналогичных работ по Сибири нет. В контексте проблематики статьи особый интерес вызывает работа Я. Муан, в которой акцентированы аспекты территориальной дискриминации в ходе введения паспортной системы [Муан 2009], а также проблематика паспортизации в контексте организации учета миграции [Исупов 2010: 191; Моисеенко 2018: 129–131; Чернолуцкая 1999]. Именно территориальное разнообразие паспортных режимов позволяет продемонстрировать как хронологию процесса, так и меняющиеся цели власти.

Несмотря на некоторое снижение интереса к тематике в последнее время паспортизация изучается в плане социальной инженерии, политических репрессий [Аблажей, Жанбосинова 2024: 106; Аблажей, Потапова 2023: 130]. До сегодняшнего дня остаются

актуальными выяснение обстоятельств введения паспортной системы в 1930-е гг., ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ характера ее географического распространения, осуществления полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияния на криминальную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. В целом в историографии ощущается явный недостаток работ по истории паспортизации в СССР как на общегосударственном, так и региональном уровнях.

Кузбасс на тот момент был частью Западно-Сибирского края – административно-территориального образования, существовавшего в 1930–1937-е гг., центром которого был г. Новосибирск. Для изучения паспортизации Кузбасс выбран в качестве региона, где модернизационные процессы шли опережающими темпами и имели ярко выраженный индустриальный характер, вследствие чего он оказался в первой волне паспортизации. Одновременно территория представляла собой крупнейший регион ГУЛАГа и ссылки. На момент начала паспортизации территория бывшего Кузнецкого округа была разделена на районы. В число быстро развивавшихся городов входили Анжеро-Судженск, Кемерово, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Сталинск², некоторые из которых как города-новостройки и индустриальные центры союзного значения в ходе введения паспортной системы получили особый статус и приоритет.

Цель – выявить основные этапы и итоги паспортизации режимных городов Кузбасса. Задачи: 1) выявить особенности общегосударственной политики в области учета, прописки и паспортизации населения; 2) охарактеризовать динамику паспортизации режимных городов Кузбасса в 1933 г.; 3) определить сущность паспортного режима и его структурных элементов, в том числе паспортных ограничений, через соотнесение статусов паспортизированных и непаспортизированных территорий и групп населения.

Резкий рост числа режимных городов в СССР относится к концу 1930-х – 1940-м гг. Основанием к получению статуса режимного чаще всего становилось военно-промышленное значение города. Наше исследование ориентировано в первую очередь на изучение историко-правовых, репрессивных и социальных

аспектов паспортизации в городах и новостройках. Термин *режим* широко идентифицируется с советской действительностью, но нас он интересует в плане административных мер и мероприятий в государстве для учета и контроля населения в связи с введением внутренних паспортов. Критериями получения статуса режимного города выступали особый статус поселения и его населения, а также введение особого паспортного режима. Изучение совокупности факторов, составляющих феномен режимности, позволяет дать комплексную оценку взаимоотношений общества и власти.

Методы и материалы

Наиболее перспективной базовой теорией представляется концепция *политики населения*, впервые развитая в работах американского историка П. Холквиста [Holquist 2002; 2003], рассматривающего советскую внутреннюю политику в плане трансформации и формирования определенного состава населения. Этот подход базируется на предложенной британским социологом З. Бауманом (см.: [Glebov 2008]) модели современного интервенционистского государства, использующего современные практики управления обществом. Суть таковых базируется на тезисе об обществе как искусственном объекте, поддающемся преобразованию при помощи государственного вмешательства, что можно интерпретировать как социальную инженерию. В развитие этой линии именно политика населения являлась главным элементом в преобразовании традиционного общества в индустриальное и социалистическое. Принципы историзма и объективности в исследовании выступают как общенаучные методы, позволяющие формировать научное знание о прошлом. Базовыми принципами исследования стали комплексность и системность, которые реализуются прежде всего в анализе политики паспортизации как совокупности элементов внутренней политики (целей политической системы и средств их достижения через принятие политических и административных решений) и ее последствий.

Источниковая база по тематике паспортизации включает в себя три основные группы источников: нормативно-правовые, делопроизводственные и материалы прессы. К нормативно-правовым документам относятся Конституции СССР и РСФСР, Уголовный кодекс 1926 г., решения Политбюро ВКП(б), СНК СССР о паспортизации и прописке. Большая часть

² Современное название – Новокузнецк (с 1961 г.); официальные названия: Кузнецк (до 1931 г.), Ново-Кузнецк (1931–1932 гг.), Сталинск (1932–1961 гг.)

документов Политбюро и СНК СССР о введении в стране внутренних паспортов либо опубликована в официальных изданиях, либо уже введена в научный оборот. Кроме того, к этой группе источников следует отнести решения партийных инстанций и исполнительных органов власти Западно-Сибирского края и горисполкомов по реализации политики в области паспортизации.

В нашем исследовании делопроизводственные источники в основном представлены ведомственными материалами Управления Рабоче-крестьянской милиции (РКМ) при Полномочном представительстве (ПП) ОГПУ – НКВД по Западно-Сибирскому краю. Основной массив делопроизводства силовых ведомств сконцентрирован в архивных фондах милиции и ОГПУ – НКВД – МВД. Большой комплекс документов Главного управления милиции находится в коллекции Государственного архива РФ, в фондах Главного управления рабоче-крестьянской милиции (Ф. Р-9415) и НКВД (Ф. Р-9401). На региональном уровне часть документов милиции и ОГПУ – НКВД отложилась в партийных фондах. Вопросы работы силовых ведомств рассматривались на заседаниях бюро, и решения такого уровня концентрировались в особых папках, которые в 1990–2000-е гг. были рассекречены. Именно поэтому материалы, освещающие деятельность милиции и ОГПУ по паспортизации Западно-Сибирского региона, в том числе в Кузбассе, отложились в коллекции Государственного архива Новосибирской области, в фонде Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) (Ф. Р-47). Отчеты о ходе кампании предоставлялись в типовой форме, по поселениям и территориям, где она проводилась. Ход паспортизации подробно отражен в спецсводках и сводных отчетах милиции за 1933–1934 гг., которые готовились на местах каждые пять дней. Эти уникальные источники практически не введены в научный оборот. Между тем эти материалы позволяют судить об организации и деятельности паспортных служб в регионах, динамике паспортизации, организации учета «отказников», количестве бежавших и высланных в добровольно-принудительном порядке.

Материалы советских газет востребованы в плане изучения официальной политики в области паспортизации и ее агитационно-пропагандистского содержания. Материалы информационного характера о начавшейся паспортизации публиковала в первую

очередь газета «Советская Сибирь». В городской прессе обычно публиковались так называемые обязательные постановления горсоветов о сроках начала и окончания кампании.

Новизна полученных результатов исследования определяется тем, что осуществлено первое комплексное исследование хода паспортизации в одном из крупных регионов Сибири, в частности, выявлены ее причины и предпосылки, описан начальный этап введения паспортной системы для населения Кузбасса, ее ход, причины форсированного проведения в отдельных регионах и городах, основные итоги. В научный оборот введен комплекс архивных материалов органов милиции, позволивших выявить региональную специфику кампании и оценить количественные параметры паспортизации.

Результаты

Паспортизация проводилась на основании серии решений Политбюро ЦК ВКП(б), постановлений ЦИК и СНК СССР и приказов ОГПУ, принятых в период с ноября 1932 г. по август 1933 г., носящих как открытый, так и секретный характер. Паспортизация стартовала с постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов» от 15 ноября 1932 г. За ним последовало совместное постановление ЦИК и СНК СССР «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» от 27 декабря 1932 г. Конкретизировало его постановление СНК СССР № 43 от 14 января 1933 г. «Об утверждении инструкции о выдаче паспортов». Затем было принято постановление СНК СССР от 28 апреля 1933 г. № 861 «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов на территории СССР», утвержденное решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 23 июня 1933 г.³ Реализация этих решений была подкреплена реформой милицкого ведомства, ставшего фактически частью ОГПУ: 27 декабря 1932 г. введено в действие «Положение об образовании Главного управления рабоче-крестьянской милиции при ОГПУ Союза ССР». В связи с паспортизацией принимается ряд других ведомственных решений: приказ ОГПУ № 009 от 5 января 1933 г. «О чекистских мероприятиях по введению паспортной системы в СССР»⁴ и последовавшая за ним серия циркуляров, среди которых – директива № 96 от 13 августа 1933 г. о порядке применения мер

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 65–66.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 1–2.

внесудебной репрессии в отношении граждан, нарушающих закон о паспортизации населения⁵.

Паспортизацию планировали провести за полтора года, что дает основания характеризовать ее как чрезвычайную кампанию по учету населения. Вводилось ранжирование территорий и очередность кампании. В ускоренном порядке была проведена паспортизация 30 городов СССР, в числе которых оказались, помимо столиц Москвы, Киева и Минска, города-новостройки и крупные индустриальные города. Паспортизация данных городов проходила в ускоренном порядке, стартовав в основном зимой 1933 г., ее завершение планировалось на лето 1933 г. Вслед за паспортизацией режимных городов в 1933–1934 гг. паспортизацию провели в городах и поселениях городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе нережимных.

Власть не афишировала, но и не скрывала целей и задач, которые решались в связи с началом паспортизации страны. Текущими задачами стали «разгрузка» или «очистка» городов от маргинального и люмпенизированного населения, а также создание системы учета. К среднесрочным целям можно отнести ограничение миграции сельского населения в города при сохранении возможности перетока излишней рабочей силы в зоны приоритетного индустриального развития, ликвидацию «социального паразитизма» в условиях нехватки рабочей силы. В качестве долгосрочной цели рассматривалось создание национального реестра населения на территориях приоритетного развития, позволявшего контролировать миграцию методами административного регулирования, с постепенным расширением зоны охвата.

Тенденции к резкому росту городского населения СССР обозначились со второй половины 1920-х гг. В течение 1926–1931 гг. численность городского населения Западной Сибири выросла почти в полтора раза, а Кузбасс демонстрировал одни из самых высоких темпов урбанизации в стране [Исупов 2018: 17]. Высокие темпы урбанизации и экономический статус региона как второго после Донбасса угольного бассейна страны и первого за Уралом металлургического центра стали одной из главных причин изменения в период паспортизации статуса ряда городов.

Согласно постановлению СНК СССР № 861 от 28 апреля 1933 г. о выдаче советским гражданам паспортов на территории Союза ССР⁶, статус режимных получили города Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск. Население этих городов было занято преимущественно в угольной промышленности и на строительстве крупнейшей стройки первой пятилетки – Кузнецкого металлургического комбината. Согласно данным переписи городского населения, проведенной весной 1931 г. в Кузбассе, численность Сталинска оценивалась в 45 тыс. человек; Прокопьевска – 54; Анжеро-Судженска – 54,5; Ленинска-Кузнецкого – 39 тыс. человек⁷. При этом данные поселения характеризовались как города, имеющие сельскую местность. Анализ локальной переписи показывает, что среди новоселов, проживавших в городах региона менее трех лет, доля выходцев из села составляла 87 % [Там же: 19].

В ходе паспортизации власти повсеместно столкнулись с тем, что официальная численность городского населения, включая работающее, оказалась сильно заниженной, в первую очередь численность проживающих в пригородах и промзоне. Так, на момент паспортизации численность Сталинска оценивалась уже в 180–200 тыс. человек. Особые трудности вызвало и определение границ городской черты, т.к. под ними понимали только земли, отведенные городам, или территорию городского округа⁸. Рабочие пригороды, промышленные и промысловые объекты в основном не имели планов и карт застройки. Органы милиции докладывали: в Сталинске «нет ни улиц, ни номеров домов», но имеет место «бесплановое, самовольное заселение (постройка землянок)», на стройке КМК отсутствуют «коменданты и ответственные по домовладениям»⁹. Специфика ситуации определялась еще и тем, что шахты находились в радиусе 10–30 км от городов, при этом рабочие поселки и поселения при шахтах составляли единый комплекс. Например, карьеры Осиновских угольных копей, территориально расположенные в 20 км от города, относились к Сталинску. Территории Анжеро-Судженска, Прокопьевска и Сталинска были зоной трудпоселков и лагпунктов, в которых суммарно могло находиться более 6 тыс. семей ссыльных и около

⁵ Там же. Л. 202–204.

⁶ Собрание Законов СССР. 1932. № 84. Ст. 516.

⁷ Кузбасс: Результаты переписи гор. населения 1931 г. Новосибирск: Статсектор Запсибкрайплана, 1931. 44 с.

⁸ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 18 об.

⁹ Там же. Л. 1 об.

5 тыс. заключенных, занятых на стройке и в шахтах [Бикметов 2004: 113].

Основная предварительная работа сводилась к обработке учетных данных и составлению списков лишенцев, ссыльных, лиц с судимостью, раскулаченных и так называемых социально вредных элементов, к которым относили в первую очередь неработающих и лиц с девиантным поведением. Списки передавались в паспортные столы и отделения. К работе были привлечены городские адресные столы, работники уличных и домовых комитетов. Так как получение работающим населением паспортов планировалось организовать преимущественно на производстве, составлялись списки работающих с указанием места жительства. Временные паспортные столы учреждались по производственному принципу – по цехам и шахтам, для неорганизованного населения и служащих – по территориальному, в зависимости от места службы или жительства. В Сталинске было создано сначала 19 пунктов, потом их число возросло до 22: 11 из них были общегородскими, 9 – производственными (например, коксовый и мартеновский цеха КМК), 2 – для населения пригородных совхозов. Местонахождение паспортных пунктов в Сталинске наглядно демонстрирует реальную структуру города, прежде всего тот факт, что часть городского населения проживала на территории предприятий, в зонах «барачных колоний», а сам город сохранил деление на Кузнецк, Соцгород (Новокузнецк) и пригородные поселения, включенные в городскую черту лишь в марте 1932 г. при объединении городов¹⁰.

В Прокопьевске и Ленинске-Кузнецком работало по 10 паспортных столов в каждом, в Анжеро-Судженске – 14. Первыми в очереди на получение документов стояли ударники производства, но члены их семей получали документы в обычном порядке в общегражданских паспортных пунктах. Существовали особые пункты для выдачи паспортов партийно-советской и хозяйственной номенклатуре, руководящим сотрудникам силовых структур и военизированных подразделений.

Динамику паспортизации иллюстрируют пятидневные сводки милиции, в которых агрегирована информация по четырем позициям: 1) количество выданных паспортов и временных удостоверений;

2) количество отказов в выдаче паспорта с разбивкой по категориям; 3) количество выданных паспортов после жалоб граждан; 4) количество выбывших, которым отказано в выдаче паспорта. Паспорта выдавались четырех видов: трехгодичные паспорта, бланки годичных удостоверений личности и два вида временных документов (сезонные и «сомнительные» удостоверения).

Как нам представляется, самый массовый отток был обусловлен бегством из городов и промзон, пик которого пришелся на начало кампании, о чем свидетельствуют данные о росте заявлений об увольнении, особенно с производства; рост числа брошенного жилья, особенно в пригородах и в зонах самовольной застройки; повышенный спрос на железнодорожные билеты и всплеск конокрадства; массовая распродажа имущества.

В ходе обходов пригородов и промзон было обнаружено, что только за первые три дня паспортизации в Сталинске, где насчитывалось около 6 тыс. землянок, оказались брошенными 343, в которых числилось 388 семей (1437 человек)¹¹. За следующие пять дней количество брошенных землянок увеличилось до 445, число семей – до 608, проживающих – до 2210 человек¹². За вторую половину марта было брошено еще 923 землянки, в которых жили 1172 семьи (4916 человек)¹³. Суммарный отток за март превысил 7,1 тыс. человек. К середине апреля общее число брошенного жилья оценивалось в 1100 землянок, а на 25 апреля эта цифра выросла до 1970. Большинство выезжали ночью, жилье обычно просто бросали, в силу чего оно резко упало в цене. Рыночная стоимость землянок снизилась с 500–700 и даже 1000 руб. до 100, нередко – до 25–50 руб. В целом, по данным милиции, на начало мая Сталинск покинули не менее 10 тыс. человек. Количество уехавших в трех других городах превысило 17 тыс. человек¹⁴.

Данные по самовольному оттоку населения из городов существенно превосходят статистику милиции о числе выселенных в связи с невыдачей паспортов. Секретный раздел инструкции о выдаче 1933 г. устанавливал ограничения на выдачу паспортов и прописку в режимных местностях для нескольких групп населения, а именно: лиц, лишенных избирательных

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ Там же. Л. 13.

¹² Там же. Л. 17.

¹³ Там же. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 128.

прав; раскулаченных и отправленных на поселение; судимых по политическим и ряду уголовных статей; не занятых общественнополезным трудом и «дезорганизаторов производства», под которыми понимались лица, допустившие самовольный уход с производства или отработки и уволенные за нарушение трудовой дисциплины, в том числе прогулы. В списке оказались и так называемые перебежчики, к числу которых относились лица, незаконно прибывшие на территорию СССР, а также иждивенцы тех, кто не получил паспорта¹⁵. Исключения были предусмотрены для специалистов, служителей религиозных конфессий и сезонных рабочих. Статус режимных городов, особенно тех, где располагались новостройки, существенно осложнял найм отходников. Массовый набор работников на производство разрешался только через оргнабор. В сентябре 1934 г. правительство все-таки разрешило принимать на работу в паспортизированных местностях колхозников по заявлениям предприятий и без договора колхоза с хозорганами¹⁶. Но уже в начале 1935 г. законодательство было ужесточено в плане требования получения паспорта до выезда на сезонную работу¹⁷. В нережимных городах допускалось получение паспортов лицензиями, выехавшими из режимных городов и территорий, но только для тех из них, кто мог доказать наличие работы и стажа не менее пяти лет. В марте 1935 г. эта норма была отменена постановлением правительства СССР.

Имеющиеся материалы милиции также позволяют судить о количестве лиц, не получивших паспорта и высланных в добровольно-принудительном порядке. Согласно отчетам, из режимных городов было выслано 4189 человек, в том числе 155 в принудительном порядке¹⁸. При этом паспорта не получили 6591 человек¹⁹. Анализ состава отказников указывает на то, что паспорта не выдавали преимущественно тем, кто не смог доказать свою трудовую занятость или подтвердить социальный статус. Получившие отказ в выдаче паспорта подлежали выселению

в 10-дневный срок. Циркуляр ОГПУ № 96 от 13 августа 1933 г. о порядке проведения внесудебных репрессий в связи с паспортизацией²⁰ предписывал формировать «тройки» при региональных Полномочных представительствах ОГПУ, в состав которых входили помощник ПП ОГПУ по милиции, начальник паспортного отдела и начальник оперотдела ПП ОГПУ. Оформление и рассмотрение дел должно было занимать не более трех суток. Отказ в выдаче паспорта можно было обжаловать в комиссии при горсовете, и в среднем около 30 % жалоб удовлетворялось²¹ (в общей сложности, по итогам работы городских комиссий, таким образом паспорта получили 815 человек, или каждый десятый²²). После положительного решения дело поступало в пункт паспортизации, где заявитель получал временное удостоверение. Ситуация усугублялась тем обстоятельством, что рассмотрение дела занимало какое-то время, а отказникам грозило выселение.

Согласно итоговым отчетам по четырем режимным городам, в общей сложности паспортные документы разного типа получили чуть менее 214 тыс. человек, в том числе в Сталинске – 99057, Прокопьевске – 40638, Ленинске-Кузнецком – 37741, Анжеро-Судженске – 36249 человек²³. В целом можно утверждать, что основное количество паспортов было выдано в марте-апреле, с резким (в шесть раз) сокращением в первой половине мая и колебаниями в диапазоне от тысячи до полутора тысяч в течение каждой последующей пятидневки. Пятую часть выдаваемых документов составляли временные удостоверения и годовые паспорта.

За незаконное получение паспорта или его подделку приговаривали к трем годам лагерей и пяти годам ссылки. В Ленинске-Кузнецком под суд за это попали 43 человека, среди которых оказались и бывшие кулаки, и рабочие²⁴. За нарушение паспортного режима – проживание без прописки и паспорта – в местностях, где вводилась паспортная система, на нарушителей налагался штраф в 100 руб. или исправительные работы сроком до 30 дней. Повторное нарушение влекло за собой уголовную ответственность.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 59–60.

¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. I. Д. 91. Л. 149.

¹⁷ Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1935. № 21. Ст. 116.

¹⁸ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 113.

¹⁹ Там же. Л. 112.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 137. Л. 202–204.

²¹ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 27.

²² Там же. Л. 112 об.

²³ Там же. Л. 119.

²⁴ Там же. Л. 130.

Включенная в 1934 г. указом ВЦИК и СНК РСФСР в Уголовный кодекс 1926 г. ст. 192 предусматривала за такое правонарушение лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до шести месяцев²⁵.

Паспортизация означала введение и поддержание паспортного режима, основанного на механизме прописки по месту жительства и соблюдении правил проживания, которые определялись статусом поселения или территории. Прописку в городах ввели в 1925 г., и сначала она носила уведомительный характер, но с 1928 г. за ее нарушение ввели административную ответственность. Для территорий, где проходила паспортизация, она стала обязательной. Процесс прописки в Кузбассе начали с опозданием: в Сталинске – с середины мая, в Прокопьевске – с июня, в Анжеро-Судженске и Ленинске-Кузнецком – с середины июля 1933 г.²⁶ Домовые книги и приписные бланки были в срочном порядке отпечатаны в городских типографиях. В кампании, на проведение которой отводился месяц, были задействованы в основном сотрудники паспортных столов, которых переключили с выдачи на прописку. За месяц в Анжеро-Судженске, Ленинске-Кузнецком и Прокопьевске прописали 51 тыс. человек²⁷.

Единственная информация в прессе о начавшейся паспортизации в Кузбассе прошла 1 марта 1933 г. Несколько фраз о подготовке к выдаче паспортов в Сталинске опубликовала главная газета края «Советская Сибирь»²⁸. В заметке упоминалось, что паспортизация в городе закончится уже 1 мая. Фактически вся агитационно-массовая работа в рамках паспортизации сводилась к информационно-пропагандистским выступлениям на производстве и собраниях актива, регламент которых предусматривал вопросы и обсуждения, естественно, только в позитивном духе. Горкомы разрабатывали свои средства агитации, но в основном использовали спущенные из центра типовые лозунги. Несмотря на ограниченный формат пропагандистской кампании, следует отметить, что какая-то информация о ходе паспортизации

все-таки доходила до населения, в то время как обмен паспортов в 1936–1937 гг. проходил в условиях полного информационного вакуума.

Наиболее типичной реакцией населения на проведение паспортизации стало бегство из городов, которое началось сразу «с момента осведомленности населения»²⁹. Паспортизация также подхлестнула волну доносов как среди рабочих, так и служащих. Доносительство как явление представляло собой сложный феномен, будучи свидетельством высокого уровня социальной напряженности, при этом советско-партийные активисты, представители власти и милиция характеризовали его как исключительно «здоровое» явление. Среди публичных высказываний доминировали призывы к социальной чистке «социальночуждого элемента», в первую очередь на промышленных предприятиях и в городах. С паспортизацией связывали надежды на улучшение снабжения городов и новостроек, криминогенной обстановки, сокращение масштабов отходничества и текучести на производстве³⁰. Паспортизация позволила актуализировать образ внутреннего врага, в очередной раз усиливая социальную поляризацию: «Рабочий К. активно ведет работу по выявлению социально-чуждого элемента, при группировке с рабочими объясняет, что нам, рабочим, с кулаками нужно вести усиленную борьбу, выгонять их с производства, а то они забрались в теплые местечки, пожирают наши продукты, отчего все стало дорого и недостаточно для основных рабочих, а вот выгоним их с производства, тогда нам лучше будет жить и все будет дешево»³¹.

В неофициальных разговорах, зафиксированных агентурой и сотрудниками спецслужб, а также членами «групп содействия», отмечалось, что основным лейтмотивом разговоров вокруг паспортизации было отождествление кампании с «новым крепостничеством» («не жизнь, а крепостное право»³²), которое сопровождалось высокой тревожностью. Последняя связана с опасениями усложнения легализации в городах и на стройках. Как и в период хлебозаготовок и коллективизации, люди вновь заговорили о скорой войне,

²⁵ Собрание Указаний. 1923. № 54. Ст. 530.

²⁶ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 94.

²⁷ Там же. Л. 132.

²⁸ В Сталинске началась подготовка к выдаче паспортов. *Советская Сибирь*. 01.03.1933. № 47 (4030). С. 3.

²⁹ ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 174. Л. 6.

³⁰ Там же. Л. 43.

³¹ Там же. Л. 108.

³² Там же. Л. 30.

росли апокалиптические настроения. Доминирующие темы разговоров: социальная чистка общества, раскрестьянивание, прикрепление рабочих к производству, а крестьян – к колхозам, деление на паспортных и беспаспортных, контроль за перемещением и расширение возможностей власти для принудительной отправки людей на освоение необжитых территорий страны, трудности со снабжением городов и низкий уровень жизни рабочих, попытки решить финансовые трудности за счет населения. Подобные разговоры свидетельствовали о попытках рядовых граждан объяснить для себя истинные причины проводившейся паспортизации. Материалы органов милиции также содержат сведения о том, что главный тезис противников паспортизации в рабочей среде сводился к тому, что «практической пользы от паспортизации нет, что она придумана исключительно для прикрепления рабочих к производству и для выкачки денег из населения». Особенно резко, согласно этому виду документов, высказывались те, кто был «ущемлен в период проведения кампании»³³.

Заключение

Выборочное введение паспортной системы в СССР в 1932–1933 гг. продемонстрировало многоступенчатую иерархию стратегических приоритетов власти при оценке роли регионов и территорий. Кузбасс демонстрировал одни из самых высоких в стране темпы урбанизации и индустриализации, в силу чего четыре города – индустриальные центры союзного значения (население было занято в угольной промышленности и на строительстве Кузнецкого металлургического комбината) – в феврале 1933 г. получили особый режимный статус и приоритет при проведении паспортизации населения. Пионерами паспортизации не только в Кузбассе, но и по всей Западной Сибири стали Сталинск, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Анжеро-Судженск. Выдача внутренних паспортов населению была проведена весной 1933 г., их получили 214 тыс. человек.

Паспортизация спровоцировала краткосрочный миграционный кризис, связанный с массовым несанкционированным оттоком населения из городов и промышленных зон в сельскую местность. На фоне кампании вынужденно уехало более 27 тыс. человек и еще более 4 тыс. человек подверглись принудительной высылке. Фактически эти выселения стали

первой масштабной чисткой сибирских городов от социально чуждого и маргинализованного элемента. Паспортизация привела к нарастанию социальной напряженности в обществе, что не в последнюю очередь было связано с усиленной циркуляцией различного рода слухов и разговоров о «новом крепостничестве».

Введенный в городах летом 1933 г. паспортный режим представлял собой систему учетно-надзорного контроля за городским населением через обязательную прописку и жесткое регулирование притока мигрантов. Статус режимных городов предписывал осуществлять набор работников на производство только через оргнабор, что при существующем стихийном рынке труда обеспечить было трудно и вскоре вызвало необходимость скорректировать политику в области отходничества на паспортизованных территориях. Уже с 1933 г. на режимные города Кузбасса было распространено ограничение на проживание лиц, освобождающихся из заключения, при этом в самих режимных городах практиковалась паспортизация занятых на производстве режимных категорий населения.

В рамках дальнейшего исследования паспортизации в режимных городах Кузбасса перспективными направлениями могут стать анализ кампании по обмену паспортов в 1936 г., ужесточению паспортного режима в конце 1930-х гг. на объектах железнодорожного транспорта, а также изучение административных и политических репрессий 1935–1938 гг. по паспортным основаниям.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта № FWZM-2024-0005 «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст».

Funding: The research was part of project No. FWZM-2024-0005: Socio-economic potential of Eastern Russia in XX – early XXI centuries: Management strategies and practices, dynamics, and geopolitical context.

³³ Там же. Л. 120, 133.

Литература / References

- Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. «Массовые» операции НКВД 1937–1938 гг. в отношении уголовных и «деклассированных элементов». *Новейшая история России*. 2024. Т. 14. № 1. С. 102–126. [Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S. "Mass" operations of the NKVD in 1937–1938 against criminal and "declassified elements". *Modern History of Russia*, 2024, 14(1): 102–126. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.107>
- Аблажей Н. Н., Потапова Н. А. Репрессивная политика как инструмент решения «китайского вопроса» в СССР в 1930-е гг. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2023. Т. 22. № 1. С. 125–138. [Ablazhey N. N., Potapova N. A. Repressive policy as a tool of resolving the "Chinese issue" in the USSR in the 1930s. *RUDN Journal of Russian History*, 2023, 22(1): 125–138. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-125-138>
- Байбурин А. К. К предистории советского паспорта (1917–1932). *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2009. № 2. С. 140–154. [Baiburin A. K. Prehistory of the Soviet passport (1917–1932). *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kulture*, 2009, (2): 140–154. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uobqcg>
- Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: ЕУСПб, 2017. 488 с. [Baiburin A. K. *The Soviet passport: History, structure, and practices*. St. Petersburg. EUSP, 2017, 488. (In Russ.)]
- Бикметов Р. С. Трудопоселенцы на шахтах Кузбасса (1930 – середина 1950-х гг.). *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2004. № 1. С. 113–121. [Bikmetov R. S. Labor settlers in the mines of Kuzbass (1930 – mid 1950). *Bulletin of the Kuzbass State Technical University*, 2004, 1(38): 113–121. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwlshb>
- Голдман В. Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920 – начало 1930-х гг.). *Новый исторический вестник*. 2005. № 1. С. 72–92. [Goldman W. Prose about the Soviet passport: Workers and free resettlement (late 1920s – early 1930s). *Novyj Istoricheskij Vestnik*, 2005, (1): 72–92. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwbslr>
- Исупов В. А. Урбанизация Западной Сибири: взгляд историка. *ЭКО*. 2018. № 7. С. 7–22. [Isupov V. A. Urbanization of the Western Siberia: In the eyes of an historian. *ECO*, 2018, (7): 7–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtfdvz>
- Исупов В. А. Численность населения Западно-Сибирского края в расчетах сибирских статистиков 1930-х годов. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9. № 1. С. 188–200. [Isupov V. A. The population number of West-Siberian territory according to Siberian statisticians of 1930th. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2010, 9(1): 188–200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzbumb>
- Меерович М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 300 с. [Meerovich M. G. *Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people, 1917–1937*. Moscow: ROSSPEN, 2008, 300. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqwdfh>
- Моисеенко В. М. Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы. *Демографическое обозрение*. 2018. Т. 5. № 2. С. 122–146. [Moiseenko V. M. Rural-urban migration in the USSR in the 1920s. *Demographic Review*, 2018, 5(2): 122–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xwcdzb>
- Муан Я. Внутрисоюзные границы гражданства: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему. *Режимные люди в СССР*, отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. С. 257–276. [Muan Ya. Intra-union boundaries of citizenship: territorial expression of discrimination in the Soviet Union through the passport system. *Regime people in the USSR*, eds. Kondratyeva T. S., Sokolov A. K. Moscow: ROSSPEN, 2009, 257–276. (In Russ.)]
- Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.). *Социологические исследования*. 1995. № 8. С. 3–14. [Popov V. P. Passport system in the USSR (1932–1976). *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1995, (8): 3–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srcncn>
- Попов В. П. Паспортная система советского крепостничества. *Новый мир*. 1996. № 6. С. 185–203. [Popov V. P. The passport system of Soviet serfdom. *Novyi Mir*, 1996, (6): 185–203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smukwm>
- Потемкина М. Н., Кузнецова И. В. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2014. № 4. С. 167–174. [Potemkina M. N., Kuznetsova I. V. Passport sistem of the urban population of the USSR in the 1930s. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2014, (4): 167–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/twcxv>

- Тарасов А. Ю. Становление паспортной системы СССР в начале XX века. Руза: МОФ МосУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2010. 160 с. [Tarasov A. Yu. *Formation of the passport system of the USSR at the beginning of the twentieth century*. Ruza: Moscow Region Branch of Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia, 2010, 160. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vricmt>
- Фетисов М. С. От «Учета, разгрузки, очистки» к праву гражданства: антропология советского паспорта. *Социологическое обозрение*. 2019. Т. 18. № 3. С. 345–358. [Fetisov M. S. From "recording, unloading, purging" to the right of citizenship: Anthropology of the Soviet passport. *Russian Sociological Review*, 2019, 18(3): 345–358. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cgaeic>
- Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 332 с. [Fitzpatrick S. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s: The city*. Moscow: ROSSPEN, 2001, 332. (In Russ.)]
- Ширер Д. Р. Сталинский военный социализм: репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 гг. М.: РОССПЭН, 2014. 541 с. [Shearer D. R. *Policing Stalin's socialism: Repression and social order in the Soviet Union, 1924–1953*. Moscow: ROSSPEN, 2014, 541. (In Russ.)]
- Чернолуцкая Е. Н. «...В порядке паспортного режима»: массовые кампании выдворения «неблагонадежных» граждан с Дальнего востока СССР в 1930-е гг. *Былые годы*. 2013. № 27. С. 71–78. [Chernolutskaia E. N. "...In accordance with passport regulations": Mass expulsion of "insecure" citizens from the Far East of the USSR in 1930s. *Bylye Gody*, 2013, (27): 71–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pwppuh>
- Чернолуцкая Е. Н. Паспортизация дальневосточного населения (1933–1934). *Revue des Études Slaves*. 1999. Т. 71. № 1. С. 17–33. [Chernolutskaia E. N. Passportization in Russia's Far East in 1933–1934. *Revue des Études Slaves*, 1991, 71(1): 17–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoraxe>
- Baiburin A. *The Soviet passport: The history, nature and uses of the internal passport in the USSR*. Cambridge & Medford, MA: Polity Press, 2021, XXIX+451. <https://elibrary.ru/wwrqfd>
- Glebov S. Interview with Zygmunt Bauman in the court where multi-ethnic polities are on trial the jury is still out. *Ab Imperio*, 2008, (1): 19–34. <https://elibrary.ru/pbzqyx>
- Holquist P. *Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914–1921*. Cambridge: Harvard University Press, 2002, 384.
- Holquist P. Violent Russia, deadly Marxism: Russia in the epoch of violence, 1905–1921. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2003, 4(3): 627–652. <https://doi.org/10.1353/kri.2003.0040>
- Kessler G. The passport system and state control over population displacement in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du Monde Russe*, 2001, 42(2-4): 477–504. <https://doi.org/10.4000/monderusse.8464>
- Kuzemska L. "The Soviet passport. The history, nature and uses of the internal passport in the USSR: Albert Baiburin, Cambridge & Medford, MA: Polity Press, 2021, XXIX+451". *Europe-Asia Studies*, 2023, 75(5): 889–890. <https://doi.org/10.1080/09668136.2023.2205317>
- Shearer D. R. Elements near and alien: Passportization, policing, and identity in the Stalinist state, 1932–1952. *The Journal of Modern History*, 2004, 76(4): 835–881. <https://doi.org/10.1086/427570>